

Глава 35. Великий босс в засаде

Что это ещё за злодейская реплика?!

Поначалу Цзян Тан ещё гадал, почему Фу Линцзюнь просто не схватит Е Чжэнвэня и не утащит его на утёс Жисы, чтобы пустить кровь. Теперь же стало ясно: он оказался слишком простодушным и добрым.

Кровь, конечно, пустят. Но Фу Линцзюнь собирался пустить кровь сразу четырём младшим, причём безо всяких выживших. Просто притащить их туда и зарезать, чтобы несколько даосских святых, находящихся в разных концах света, собственными глазами увидели, как у их любимых юнцов рассыпается божественное сознание, а затем либо сами примчались посмотреть на тайну, которую скрывает Цзян Чаньюань, либо тоже угодили бы в одну сеть.

Если честно, ход был довольно подлый.

Теперь стало ясно, зачем он под чужой личиной сблизился с Е Чжэнвэнем и каждый день с каменным лицом вынужденно отыгрывал роль. И ясно, почему он через Сун Яня стянул в область Цянькунь всех этих юных гениев. Выходит, с того самого мига, как они выбрались из долины Тяньбэй и пришли в область Цянькунь, Фу Линцзюнь уже выстраивал всё вокруг Битвы Небесных Дарований.

Цзян Тан, который всё это время просто плыл по течению сюжета и только сейчас всё понял, шлёпнулся на кровать, почесал пушистую шею мясистой задней лапой, а потом бессильно распластался обратно.

Пусть ему всегда казалось, что к этому миру он не особенно привязан, и пусть убийства босса Фу не вызывали у него особой моральной тяжести, но именно сейчас Цзян Тан вдруг заколебался.

То, что Фу Линцзюнь вырезал весь Цзэян, и даже то, что прямо у него на глазах убил ускользнувшего Сун Яня, казалось Цзян Тану вполне естественным возмездием: за убийство платят жизнью.

Но Е Чжэнвэнь и те младшие, что стояли рядом с несколькими даосскими святыми... Не говоря уже о прочих — хотя бы Е Чжэнвэнь, с которым они в последнее время постоянно сталкивались, и тот туповатый похотливый тигр. Цзян Тан не мог сказать, что уж очень к ним привязался, но уж точно не хотел видеть, как они погибают у него на глазах.

От этого собственная позиция стала до неприятного шаткой.

Разумом он понимал: его дело — быть подвеской при боссе и спокойно плыть по сюжету. Но как подвеска с чувствами он невольно думал, нельзя ли, не ломая конечной цели Фу Линцзюня,

чуть смягчить исходные условия. И даосских святых выманить, и жизни Е Чжэнвэню с остальными сохранить.

Фу Линцзюнь посмотрел на белую мягкую лепёшку, снова распластавшуюся на кровати.

Он подошёл к Цзян Тану. В тот же миг по комнате скользнул едва различимый свет барьера и исчез, а окно медленно распахнулось.

В комнату просочился ясный лунный свет, удлинил тень Фу Линцзюня и покрыл его лицо мягким влажным сиянием.

— Не выспался? — прекрасный длинноволосый мужчина, распустивший волосы по плечам, крючком поддел пальцем мягкий подбородок пушистого комочка.

Цзян Тану было так приятно от этой ласки, что он положил голову ему на руку и блаженно замер, ожидая, когда его почешут ещё.

А в следующий миг его уже целиком подхватили на руки.

Фу Линцзюнь сунул его за пазуху и тихо усмехнулся:

— Скоро будет дело.

М? Какое ещё дело?

Цзян Тан даже не успел толком отреагировать, как в окно торопливо влетела бледно-лиловая духовная птица. Она сделала круг в воздухе и очень быстро села на бледные костяшки пальцев Фу Линцзюня.

Он развернул послание. Там была накарябанная строка:

«Брат Линь, доводилось ли тебе видеть подобный символ?»

Ниже прилагался сам знак. Видно было, что его старательно срисовывали, но всё равно вышло дрожаще, криво и косо. Линии путались одна в другой так, что даже Цзян Тан, полный профан в символах, счёл его уродливым.

Одного обращения «брат Линь» и этой вычурной сиреневой расцветки духовной птицы хватило, чтобы Цзян Тан сразу понял: это духовное письмо от Е Чжэнвэня.

Так вот о каком представлении говорил Фу Линцзюнь?

Не успел тот ответить, как вторая весточка прилетела с ещё большей скоростью.

«Сейчас я на восточной тропе у внешней окраины Уя. Случайно встретил девушку Шэн из Синло. Её спутник застрял в логове кровососущих летучих мышей, а снаружи у логова стоит символический запрет: войти легко, выйти трудно. Брат Линь хорошо разбирается в символах и массивах. Сможешь ли снять это проклятие?»

Вот же дела. Е Чжэнвэнь всё-таки столкнулся с Шэн Исюэ? Это что — закон второго мужского персонажа или неотвратимость воли мира? А если прибавить Сун Цзиньяо, запертого в логове кровососущих летучих мышей, то главный герой, главная героиня и второй мужской персонаж были в полном сборе.

Вспомнив водяное зеркало, в которое босс вглядывался перед его пробуждением, Цзян Тан окончательно уверился: в какие-то моменты, о которых он даже не знал, Фу Линцзюнь в одиночку уже продвинул часть сюжета. Так что он не отставал — его просто реально там не было.

Фу Линцзюнь прекрасно видел оба письма Е Чжэнвэня, но лишь лениво гладил маленькую белую собачку и любовался луной. Только допив чашку чая, он неторопливо послал ответ:

«В древних книгах из собрания моего наставника я видел нечто подобное, но не уверен. Где именно ты находишься?»

Увидев это, Цзян Тан невольно мысленно поднял большой палец вверх за то, как серьёзно босс держал образ.

За последние дни Фу Линцзюнь уже настолько тщательно прокачал у Е Чжэнвэня свою маску «знатока символов и массивов», что тот всерьёз уверовал: Фу Линцзюнь — одарённый личный ученик какого-то могущественного затворника. И даже сам, тайком, достроил недостающие свойства персонажа: впервые вышел в большой мир, в людских делах не разбирается, но если познакомиться поближе — невероятно доброжелательный, отзывчивый и вообще редкостно хороший человек.

Доброжелательный. Отзывчивый. Хороший человек. До того тонко подобранные слова, что, не выберись Цзян Тан с Фу Линцзюнем вместе из долины Тяньбэй, он бы, пожалуй, и сам поверил.

Когда от Е Чжэнвэня торопливо прилетела новая птица, Фу Линцзюнь уже вынес Цзян Тана наружу. Сян Син, как обычно, заранее ждал. Один человек, один великан и одна собака бесшумно спустились вниз, а затем проделали весь путь до выхода из области Цянькунь.

Ночная роса была тяжёлой.

Даже внешняя окраина Уя уже заросла древним лесом до небес. Белёсый туман затапливал

старые деревья, и вокруг было одно сплошное белое марево.

— Гу... гу-гу... — разбуженная птица, сидевшая высоко, холодно посмотрела вниз, на людей под деревьями, и с шумом улетела.

Густой туман делал чёрную ночь ещё страшнее.

Цзян Тан боялся призраков, боялся темноты и боялся вот такого ужаса, когда не видно, что впереди. Холодный сырой туман обволакивал его сейчас со всех сторон, и это слишком напоминало тот раз в долине Тяньбэй, когда он сорвался вниз из-за скользкой почвы и вынужден был пройти сквозь бесчисленные сырые, ледяные обиженные души.

Стоило ему об этом вспомнить — и перед глазами снова встали одна за другой серовато-белые перекошенные лица. От этого всей зверушке стало не по себе.

Но потом он тут же подумал: он же сейчас у Фу Линцзюня на руках. Разве это не всё равно что войти в игру с читами? Даже если вокруг и правда есть нечисть — и что с того? Фу Линцзюнь даже призраков не щадит. Тут нечего бояться. Нужно просто считать это игрой с полным погружением.

Пройдя сквозь промозглый лес, они издали увидели смутный отблеск огня.

— Ау-у... — серебристый тигр первым учуял запах Цзян Тана и, еле сдерживая радость, поздоровался: — Доброе утро! Пахнешь вкусно, давай потрёмся, я так соскучился~

А следом раздалась целая вереница возгласов Е Чжэнвэня:

— Брат Линь! Брат Линь, сюда!

Из белого тумана вихрем выскочил богато одетый юноша с огромным серебристым тигром и, весь на нервах, бросился им навстречу:

— Я всех уже расспросил — никто не может снять этот символ. Брат Линь, выручай, ещё немного, и тот внутри, боюсь, умрёт!

Да не умрёт он, мысленно буркнул Цзян Тан. Сун Цзиньяо ведь главный герой, а у главных героев по определению есть сюжетная защита. Не может же он так просто умереть?

Фу Линцзюнь лишь холодно кивнул, не изменяя своему привычному образу «снаружи холоден, внутри горяч»:

— Что ты здесь делаешь?

Была глубокая ночь, а рядом с молодым господином Е, который обычно даже по улице без десятка охранников не ходил, сейчас был только один серебристый тигр. Вид у него был до жалости скромный.

— Э-э... — Е Чжэнвэнь почесал затылок, и кончики ушей у него невольно покраснели. — Я... мне приснился сон... во сне мне сказали... кхм... а потом случилось кое-что очень странное!

Последнюю фразу он прошептал Фу Линцзюню прямо на ухо:

— Я и правда встретил того человека из сна! Вон она! Брат Линь, скажи, разве это не чудо?

Цзян Тан не удержался и поднял голову, глядя на Е Чжэнвэня с его восторгом до ушей. Теперь ясно. За эти несколько дней Фу Линцзюнь наверняка выяснил, какие женщины нравятся Е Чжэнвэню, а потом вдобавок подсунул ему сон о Шэн Исюэ и выманил сюда — как раз к Шэн Исюэ, которую сам же нарочно запер, а затем выпустил.

Но как босс вообще это сделал?

Если ещё можно было заранее устроить ловушку для Шэн Исюэ, то вмешательство в чужие сны уже выглядело чем-то совершенно невероятным. В оригинале Цзян Тан о таком не читал и не понимал, в чём тут кроется тайна.

Устроившись у босса на руках, он вместе с Е Чжэнвэнем двинулся к логову кровососущих летучих мышей.

Хрупкая главная героиня, до этого ждавшая у костра, тоже поднялась — с заплаканными глазами, при поддержке Сун Яня — и поспешила за ними.

— Господин, если вы сможете спасти брата Цзюня, я... я непременно отплачу вам всем, что в моих силах. Я... меня зовут Шэн Итюэ, из дворца Синло... Шэн Итюэ. Я не стану вас обманывать... — Шэн Итюэ была необыкновенно хороша собой, а с глазами, полными слёз, и вовсе вызывала щемящую жалость. Она выглядела растрёпанной, но красоты не теряла ни на волос. Голос у неё был мягкий и чистый, звенящий, удивительно приятный.

Пусть Цзян Тан и не любил такой тип нежных красавиц, он всё же не мог не признать: ну конечно, героиня мужской новеллы — это же просто эталон вкуса типичного гетеро-мужика. Лицо — как цветы персика и сливы, фигура — плавная, соблазнительная, а особенно эта тонкая талия: и красива, и томна. Идёт — и всё в ней покачивается так, что взгляд сам липнет.

Но Фу Линцзюнь, который явно не был главным героем из такой новеллы, даже не удостоил Шэн Итюэ взглядом и лишь равнодушно пошёл вперёд.

Зато второй мужской персонаж вёл себя как надо. Е Чжэнвэнь, показывая дорогу Фу Линцзюню, нашёл минутку обернуться и тихо утешить Шэн Итюэ:

— Госпожа Шэн, не бойтесь. Мой друг отлично понимает символы и массивы. Даже наши мастера символов из секты Лянъи говорили, что он по-настоящему силён!

Шэн Итюэ прикусила алую губу, и в глазах у неё задрожали слёзы:

— Спасибо, господин Е...

Эти несколько слов словно ударили Е Чжэнвэню прямо в сердце. От них у него всё размякло и зазвенело, и на лице избалованного молодого господина тотчас расцвела радость — даже походка стала легче.

Перед ними выросла не слишком высокая скальная стенка. Посередине была трещина шириной в одного человека. Если заглянуть внутрь, там виднелась только глухая темнота, и даже звуков оттуда не доносилось.

Фу Линцзюнь протянул руку и легонько коснулся пустоты совсем рядом со скалой. В следующий миг в воздухе вспыхнул необыкновенно сложный символ — кроваво-красный, словно из крови.

Явившись, он не замер, как обычные символы, а зловеще и медленно потёк, вращаясь. Он отрезал внешний мир от внутреннего, точно замок без ключа.

Е Чжэнвэнь облизнул губы и осторожно спросил:

— Брат Линь, это можно снять?

Фу Линцзюнь, который, между прочим, сам же и поставил этот запрет, сделал вид, что думает, а затем сказал:

— Можно. Дай мне немного времени.

Е Чжэнвэнь пришёл в восторг. Шэн Итюэ, шедшая следом, в ту же секунду расплакалась по-настоящему: слёзы заблестели и посыпались одна за другой, хотя на лице уже появилась улыбка. Сердце Е Чжэнвэня сразу сжалось от жалости. Он перерыл жемчужину Нахай, но платка так и не нашёл, так что пришлось неловко вытирать девушке слёзы собственным рукавом.

Цзян Тан лишь мысленно вздохнул.

Ну и мужчина — влюбляется так легко. Чувства налетают на него с такой скоростью, что Цзян Тан уже начал подозревать: не встроили ли это свойство второму мужскому персонажу прямо на заводе.

Фу Линцзюнь непонятно откуда достал коробочку с алым духовным песком и кисть. Окунул кисть в песок и начал обводить текущий символ поверх — штрих за штрихом. Все линии он вёл в обратную сторону, но в беспрестанно движущемся знаке ни разу не промахнулся и точно, одну за другой, тщательно вывел каждую черту.

Вокруг стояла жуткая тишина, нарушаемая лишь тихим шорохом кисти по камню.

С каждой новой линией одна черта вращающегося символа исчезала. Это зрелище было таким поразительным, что даже Шэн Итюэ перестала плакать и с надеждой уставилась вперёд. Е Чжэнвэнь и раньше знал, что брат Линь силён в символах и массивах, но, увидев такое, проникся к нему ещё большим благоговением.

Спустя какое-то время Фу Линцзюнь наконец полностью обратил нарисованный им символ. Световая завеса медленно рассеялась. И тут же из расселины в скале донеслись приглушённые звуки боя и шелест огромной стаи летучих мышей, преследующих добычу.

— Брат Цзюнь! — Шэн Итюэ, спотыкаясь, подалась вперёд, прижалась к каменной стене и крикнула внутрь: — Брат Цзюнь, ты в порядке?

Ответа не было, и она уже собиралась сама броситься в логово спасать человека.

Разумеется, Е Чжэнвэнь тут же её остановил.

— Госпожа Шэн, позвольте мне, — он кивнул серебристому тигру, велел тому следовать за собой, выхватил духовный меч и ринулся в расселину.

Серебристый тигр громко рявкнул и помчался за хозяином — но едва тот нырнул внутрь, вся его громадная туша застряла снаружи. Даже голова не проходила.

Иного и быть не могло: трещина в скале была шириной всего в человека, такому зверю туда не протиснуться.

— Ау-у... — хозяин, подожди меня!

Е Чжэнвэнь, уже влетевший в стаю летучих мышей: ???

Ладно, сейчас не до этого. Главное — сперва вытащить человека.

У Сун Цзиньяо, у которого и без того откатилось развитие, а сил почти не осталось, на теле виднелось несколько следов укусов кровососущих летучих мышей. Его светло-синяя одежда была перепачкана тёмно-красными и буро-коричневыми пятнами: бурые там, где кровь уже подсохла, и алые — там, где раны были совсем свежими.

Меч в его руке слабел с каждой минутой. Перед собой он ещё кое-как успевал отбить одну-две летучие мыши, но остальные лезли со всех сторон, выискивая момент для удара. У его ног уже лежал целый круг из трупов убитых тварей, но он сидел в логове так долго, что сколько ни рубил — конца им не было.

— Брат госпожи Шэн! Не двигайся! — Е Чжэнвэнь прицелился в его сторону, вытащил какой-то предмет и швырнул чуть впереди него. — Закрой глаза!

Прозрачный шарик пролетел по дуге и ударился о землю перед Сун Цзиньяо. В следующий миг он взорвался, и вверх хлынули несколько ослепительных потоков стеклянного света, мгновенно превратив чёрную пещеру в подобие белого дня.

Сбившиеся рядом кровососущие летучие мыши в ужасе отпрянули назад.

Они боялись яркого света и никогда не показывались днём. А этот свет был даже резче дневного — слепящий, горячий, внушающий им инстинктивный страх.

Е Чжэнвэнь, не открывая глаз, бросился вперёд, схватил Сун Цзиньяо и помчался обратно.

У культиваторов чувства были остры, так что даже с закрытыми глазами они худо-бедно ориентировались вокруг. Двое юношей один за другим промчались через огромную пещеру летучих мышей, а затем нырнули в узкую расщелину в скале. Стая, пусть и отступившая было перед ярким светом, не собиралась отпускать Сун Цзиньяо после того, как он перебил столько их сородичей, и потому снова всем скопом ринулась следом.

— Быстрее, быстрее! — Е Чжэнвэнь вытолкнул раненого Сун Цзиньяо вперёд, чтобы тот бежал первым, а сам прикрывал отступление, отбиваясь на бегу. Его духовный меч высшего ранга пылал огнём и по пути спалил немало тушек летучих мышей.

У Шэн Итюэ, которая ждала снаружи, ладони были мокры от пота, а губы так искусаны, что побелели. И только когда окровавленный, жалкий с виду юноша выбрался наружу, она бросилась к нему, крепко обняла и разрыдалась от счастья:

— Брат Цзюнь, у-у-у, прости, брат Цзюнь, это я виновата... я бесполезна...

Е Чжэнвэнь, который мысленно уже воображал, как выйдет наружу таким юным, гордым и героическим, чтобы встретить полный восхищения взгляд красавицы: ???

Постойте. Он сейчас спас её брата или всё-таки возлюбленного братца? Что-то картина начинает идти не туда.

Серебристый тигр тихо рыкнул, подошёл и потёрся головой о руку Е Чжэнвэня.

Фу Линцзюнь уже стоял у скалы и ждал. Как только Е Чжэнвэнь вышел, он быстрыми взмахами кисти, всё ещё смоченной духовным песком, начертил на камне два простых барьера и запечатал ими вход.

Примерно через три дня песок утратит силу. За это время взбешённые кровососущие летучие мыши успеют успокоиться, но не будут заперты настолько долго, чтобы умереть с голоду.

А затем перед глазами Е Чжэнвэня продолжило разворачиваться зрелище, от которого его юное сердце трещало всё сильнее.

Прекрасная девушка в слезах всё крепче и крепче обнимала юношу, пока не услышала его приглушённое шипение. Только тогда она поняла, что слишком сильно прижала его и задела раны. Торопливо вытерев слёзы, она дрожащими руками вытащила из жемчужины Нахай лекарство и заботливо подала ему:

— Брат Цзюнь, скорее съешь это. Я сама приготовила пилюлю очищения от яда. У кровососущих летучих мышей слабый яд, а ты получил столько ран... у-у-у... И ещё вот эта — для заживления... Прости, брат Цзюнь, это я виновата, это я бесполезна...

Сун Цзиньяо дрожащей ослабевшей рукой взял у Шэн Итюэ пилюлю от яда и лекарство для ран и запрокинул голову, проглотив их. Когда лекарственная сила начала понемногу расходиться по телу и возвращать ему силы, он молча отступил на шаг и почтительно поклонился Шэн Итюэ:

— Благодарю вас, госпожа Шэн.

Потом повернулся к Е Чжэнвэню и Фу Линцзюню и тоже склонился:

— Благодарю вас всех за сегодняшнее спасение. Сун Цзиньяо этого не забудет.

Фу Линцзюнь высокомерно кивнул, не изменяя своему привычному образу холодного снаружи и тёплого внутри человека.

А вот Е Чжэнвэнь, немного отойдя после душевного удара, ответил на поклон с явной обидой на лице и крайне неестественным тоном спросил:

— Даос Сун... вы... вы с госпожой Шэн... двоюродные брат и сестра?

Спросил он очень осторожно. Пусть фамилии у них и разные, но он уже наполовину решил, что перед ним пара влюблённых. Впрочем, с разными фамилиями можно быть и кузенами, так что он всё ещё цеплялся за надежду.

Но Сун Цзиньяо ответил на редкость холодно:

— Наши семьи когда-то были знакомы по отцам, не более того. С госпожой Шэн мы не особенно близки.

И, не обращая внимания на то, что у Шэн Итюэ за спиной снова едва не брызнули слёзы, ещё раз сложил руки в приветствии и сказал:

— Если вы не возражаете, позвольте пригласить вас всех в Цяньцяо на небольшой сбор. За спасение этой ночью Сун Цзиньяо непременно отплатит.

Цзян Тан подумал: Сун Юнчжэн довёл Фу Линцзюня до гибели семьи, а Фу Линцзюнь в ответ оставит Сун Цзиньяо без семьи. Вполне справедливо.

Интересно, если Сун Цзиньяо однажды узнает, кто такой Фу Линцзюнь на самом деле, покажется ли ему сегодняшняя благодарность особенно горькой насмешкой.

Пока все метались и суетились, густой туман постепенно рассеялся, и небо вдруг занялось белизной рассвета.

Сун Цзиньяо переоделся в чистое и вместе со всеми направился в Цяньцяо.

Серебристый тигр, всю ночь следовавший за хозяином и так и не сумевший толком приблизиться к любимому комочку, теперь шёл за Фу Линцзюнем и тихо подвывал:

— Ау-у... Комочек, комочек, пойдём есть!

Цзян Тан уже привык к тому, что этот большой тигр каждый день подлизывается к нему, и потому небрежно ответил, даже не вылезая из-за пазухи Фу Линцзюня:

— Иу-у. Я голодный.

Тигр и собака вполголоса «болтали» друг с другом.

А Е Чжэнвэнь, который до этого всё ходил понурый, вдруг посмотрел на маленькую белую собачку в объятиях Фу Линцзюня, явно округлившуюся за последнее время, нахмурился, потом нахмурился ещё сильнее и странным тоном спросил:

— Брат Линь... а Сяо Бай, часом, не беременна?

Примечание автора:

Тан-Тан: у нас с боссом только всякие штучки между душами, тела у нас совершенно невинные! Откуда там беременность Σ(° Δ ° |||)□

А Юань официально опровергает слухи: детей не будет.

<http://bllate.org/book/17032/1604291>